

**ДЕФОРМАЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО (ДОКТРИНАЛЬНОГО) ПРАВОСОЗНАНИЯ:
ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВА**

Статья посвящена проблемам деформации теоретического правосознания в период становления советского государства. Отмечается, что формы ее проявления весьма разнообразны: от правового нигилизма, отрицания права как явления, до правового идеализма. Абсолютный правовой нигилизм был характерен для первых лет становления советского государства, правовой идеализм – для периода построения социализма в основном.

Ключевые слова: правосознание, правовой нигилизм, правовой идеализм, деформация правосознания.

Деформация правового сознания, как и правовой нигилизм, имеет три уровня (формы): обыденный, ведомственный, идеологический [1. С. 24]. Сфера обитания первого – массовое сознание, социальная психология, второго – административно-командная управленческая система, третьего – идеология, теории, выводы общественной науки, правоуправления. Рассмотрим идеологический уровень, представленный в виде взглядов ученых, политиков, сосредоточив внимание на периоде становления советского права.

В октябре 1917 г. в России произошла революция, ставившая целью построение социалистического государства и коммунистического общества. Она повлекла за собой беспрецедентную по размерам попытку фундаментально изменить общество, государство, право. Естественно, возник вопрос о роли права, возможности использования дореволюционных нормативных правовых актов. Юристы-ученые, политики отрицали право. Их правосознание отказывалось воспринимать его как социально полезный, необходимый инструмент регулирования общественной жизни. Интенсивность отторжения права изменялась по мере становления советского государства. Исходя из этого факта, можно наметить три этапа деформации доктринального правового сознания.

Первый характеризуется отрицанием всякого права при социализме – права цар-

ской России, буржуазного права, права советского государства. Второй – признанием его как временного явления, рассчитанного на период становления советского государства, третий – признанием социалистического права как высшего исторического типа, его идеализации, но отрицанием связи с дореволюционным правом. Идеологической основой деформации теоретического правосознания служило концептуальное положение советской теории государства и права о постепенном отмирании права по мере приближения к коммунистическому типу общества.

В первые годы становления советского государства в доктринальном правосознании правовой нигилизм был выражен особенно ярко. Для него характерно отрицание права как явления, наивное желание начать все «с нуля», чтобы освободиться от всего связанного с прошлым, как можно быстрее достичь желаемой цели. Даже слова «закон», «указ» почти не употреблялись по той лишь причине, что они напоминали старое право. Раздавались голоса и против сохранения таких терминов, как «прокурор», «адвокат», «преступление», не говоря уже о самих правовых актах.

После революции в общем русле марксистско-ленинского подхода к праву стали постепенно складываться различные направления и концепции понимания и трактовки права. При всех своих внешних различиях

эти концепции внутренне едины в своем отрицании права, его объективной природы и смысла, в оправдании диктатуры и его приказных норм. Под видом отрицания буржуазного права «все они вместе и каждая по-своему отвергают суть и смысл права вообще, права как права, а за качественно новое “право” выдают антиправовые установления пролетарско-коммунистической диктатуры, антиправовое законодательство новой партийно-политической власти» [2. С. 155].

До начала 30-х гг. существовал известный отрыв теории государства от теории права, который основывался на представлении о том, что государство как политическая организация пролетариата и его союзников по классовой борьбе необходимо на весь период перехода от капитализма к коммунизму, тогда как право есть нечто отживающее свой век с буржуазным строем и чуждое социализму. «У нас было общепринято, – писал П. И. Стучка, – право рассматривать лишь как контрреволюционный, в лучшем случае антиреволюционный элемент, как бы силу анархии, задерживающую всякую революцию» [3. С. 131].

Согласно позиции П. Стучки и других авторов «Руководящих начал по уголовному праву», буржуазное право вместе с буржуазным государством полностью уничтожается пролетарской революцией и сдается в «архив истории». «Пролетариат, завоевавший в Октябрьскую революцию власть, – отмечается в названном документе, – сломал буржуазный государственный аппарат, служивший целям угнетения рабочих масс, со всеми его органами, армией, полицией, судом, церковью. Само собой разумеется, что та же участь постигла и все кодексы буржуазных законов, все буржуазное право, как систему норм (правил, формул), организованной силой поддерживавших равновесие интересов общественных классов в угоду господствующим классам (буржуазии и помещиков)» [3. С. 131].

Правовой нигилизм присутствует и в решении П. И. Стучкой вопроса о «культурной революции» в области права. «Для нас, – отмечал он, – право и культура не тождественные понятия. Завоевания культуры перейдут и в будущее общество (конечно, не в «чистом», т. е. в нынешнем виде), а право не перейдет, оно должно отмирать» [3. С. 437]. Культурная ценность и значение

права тем самым отрицаются. Право попросту выносится за рамки культуры как нечто больное и отмирающее.

Резко отрицательно отзывался о праве А. Г. Гойхбарг: «Всякий сознательный пролетарий, – говорил он, – знает, что религия – опиум для народа. Но редко кто сознает, право есть еще более отравляющий и дурманный опиум для того же народа» [4. С. 8]. В 1918 г. он писал: «Окончательный, смертельный удар наносит ему власть нового класса – пролетариата. Во время пролетарской революции это право находится в агонии и заменяется социальным правом переходного периода...» [5. С. 17].

Его поддерживал М. А. Рейснер: «Если право не опиум для народа, то, во всяком случае, довольно опасное снадобье» [6. С. 34]. Даже спустя тринадцать лет после победы Октябрьской революции Е. Б. Пашуканис, автор труда «Общая теория права и марксизм», говорил: «У нас есть система пролетарской политики, но нам не нужно никакой системы права» [7. С. 44].

Второй этап деформации теоретического правосознания связан с признанием государством рыночных отношений. Период НЭПа приводит к некоторой коррекции нигилистических взглядов. Концепция отмирания права при социализме сохранилась. Однако ученые и политики стали признавать необходимость его в стране на период становления социалистической экономики. Это право называлось пролетарским, крестьянским, социальным, диктатуры пролетариата и т. п. В целом же право считалось «неполноценной и даже ущербной формой социальной регуляции лишь на время и лишь в силу печальной необходимости, замещенной у прежних эксплуататорских эпох» [8. С. 164].

До 1930-х гг. право, существовавшее в советской России, и в официальной пропаганде, и в официальной марксистской науке единодушно рассматривалось как непреодоленный «остаток прошлого», сохранившееся еще «буржуазное право», которое уже на радость пролетарской диктатуре «отмирает». «Предполагалось, – писал в 1925 г. М. А. Рейснер, – что правовая надстройка не переживет особенно долго социального переворота и погибнет без остатка, не оставив жизнеспособных наследников». И далее: «Мы по-прежнему в полном недоумении: нужно ли нам право?» [6. С. 34]. «Право и

законность – лозунги, несколько отдающие стариною в эпоху диктатуры пролетариата», – утверждал И. Ильинский [9. С. 16].

А взамен всего этого как нечто несравненно более высокое, отвечающее высшим идеалам коммунизма, чаяниям всех народов и всех людей труда, широко использовались и возводились в высочайшую степень «революционное правосознание», «революционная законность», «пролетарский суд», «права трудящегося и эксплуатируемого народа», а также неюридические формы и институты регуляции – технические нормативы, организационные правила и т. д.

П. И. Стучка, один из ведущих идеологов и руководителей новых органов юстиции, призывал к признанию нового, революционного, пролетарского права. В период НЭПа он признавал ограниченное допущение (по Стучке – «рецепцию») буржуазного частного права в жестких пределах господства социалистической государственной собственности, диктатуры пролетариата, «классового» толкования права. При НЭПе право как таковое (буржуазное право) допускается для несоциалистических укладов (мелкобуржуазного, капиталистического и т. д.), а не для самого социалистического уклада. Да и сам НЭП (с сопутствующим ему ограниченным частным оборотом, буржуазным частным правом и т. д.) был вынужденно и временно допущен диктатурой пролетариата лишь для выхода из того кризиса, куда завел страну «военный коммунизм» – «прямой путь к социализму и коммунизму».

П. И. Стучка утверждал, что «пролетарское право» нужно для того, чтобы преодолеть всякое право, перейти – аналогично «неизбежности перехода от государства к негосударству» – «от права переходного периода социалистического строительства к *неправу*, к отсутствию, отмиранию всякого права как ненужного» [3. С. 520–521].

С этих пролетарских позиций даже советский Гражданский кодекс Стучка отождествлял с буржуазным правом и писал: «буржуазное право (ГК)» [3. С. 593]. И только неправо в ГК (классовость, плановость и т. д.) образует, по Стучке, «советский характер нашего гражданского права» [3. С. 593]. Для него ГК периода НЭПа – это «буржуазный кодекс». «Наш кодекс, – поясняет он, – наоборот, должен ясно и открыто показать, что и гражданский кодекс в

целом подчинен социалистической плановости рабочего класса» [3. С. 593].

Эта идея вытеснения права (как буржуазного явления) планом (как социалистическим средством) имела широкое распространение и, по сути дела, отражала внутреннюю, принципиальную несовместимость права и социализма, невозможность юридизации социализма и социализации права.

Временный характер допущенного права в советском государстве признавал и другой ведущий ученый Е. Б. Пашуканис. В ряде работ и прежде всего в книге «Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий» [7. С. 32–42], он ориентировался по преимуществу на представления о праве, изложенные в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Для него буржуазное право – это исторически наиболее развитый, последний тип права, после которого невозможен какой-либо новый тип права, какое-то новое, послебуржуазное право. С этих позиций он отвергает возможность «пролетарского права».

Подобные суждения сказались на формировании советской правовой системы. Первые кодексы и иные сводные нормативные акты создавались в ходе горячих теоретических дискуссий. Например, в процессе подготовки первых уголовных кодексов и «Основных начал» 1924 г. выявились две крайние точки зрения: первая предполагала адаптацию в новых условиях Уголовного уложения 1903 г. и вторая – проведение в жизнь идеи о революционном уголовном праве, которое полностью бы порвало с буржуазным уголовным правом, даже с его формой.

Пролетариат, согласно Е. Б. Пашуканису, может лишь по необходимости использовать в переходный период для своих классовых интересов буржуазное право, пока не отпадает надобность в этом. В процессе такого пролетарского использования буржуазного права оно и отомрет. «Итак, – писал Е. Б. Пашуканис в середине 20-х гг., – следует иметь в виду, что мораль, право и государство суть формы буржуазного общества. Если пролетариат вынужден ими пользоваться, то это вовсе не означает возможности дальнейшего развития этих форм в сторону наполнения их социалистическим содержанием. Они не способны вместить это содержание и должны будут отмирать

по мере его реализации. Но, тем не менее, в настоящую переходную эпоху пролетариат должен использовать в своем классовом интересе эти унаследованные от буржуазного общества формы и тем самым исчерпать их до конца» [7. С. 187–189]. Правовая форма при диктатуре пролетариата, по существу, лишена своих правовых свойств и возможностей и, по признанию Е. Б. Пашуканиса, «существует только для того, чтобы окончательно исчерпать себя».

Отсутствие подлинного права и государства при диктатуре пролетариата Е. Б. Пашуканис (как и другие марксистские авторы), по существу, пытался изобразить как наличие нового, «неподлинного», советского права и государства, обреченных на «отмирание» [7. С. 187–189].

Подобную позицию занимал М. А. Рейснер. « Вся история права, – писал он, – это «история его угасания» [6. С. 274]. При коммунизме оно угаснет навсегда [6. С. 221]. По его мнению, «правовой элемент может отступать совершенно на задний план во время борьбы. Правовые требования могут поддерживаться в разгаре ее исключительно аргументами силы. Но это нисколько не мешает провести через политическую борьбу правовые требования, поскольку они связаны. Во-первых, с собственностью, а во-вторых, и с другими моментами равного и неравного распределения благ и силы. Когда заканчивается борьба, субъективное право класса переходит в объективное право данного, более широкого объединения, государства или какой-нибудь иной организации» [6. С. 269].

Правопонимание при таком негативном подходе к праву, отмечает В. С. Нерсисянц, «вообще с позиций коммунистического отрицания его как буржуазного феномена по сути дела предстает как правоотрицание. Познание права подчинено здесь целиком целям его преодоления. Это антиюридическое мировоззрение нашло свое воплощение и реализацию в правовом нигилизме всей послереволюционной идеологии и практики...» [2. С. 162].

В 20-е гг. проблемам правопонимания и построения марксистской теории права был посвящен также ряд публикаций И. Разумовского [10. С. 7]. Допущенное властью право, по его мнению, право буржуазное, временное. Отмирание «буржуазного права» означает, по И. Разумовскому, «смерть пра-

ва как идеологии» и переход в коммунистическом обществе «к сознательно регулируемой и сознающей характер своей связи с материальными условиями производства системе общественного поведения» [11. С. 23]. Кто, как и с помощью каких средств будет при коммунизме осуществлять это «сознательное регулирование» (без идеологии и без права), остается неясным.

Право, по И. Разумовскому, – это форма общественного сознания, идеологический способ и порядок опосредования материальных отношений в классовом обществе, идеологическое опосредование (идеологическая форма) классовых материальных (экономических) отношений [11. С. 50].

Вопрос о судьбах права после пролетарской революции И. Разумовский рассматривает в плоскости использования пролетарской диктатурой отмирающих категорий буржуазного права. Судя по его рассуждениям, издание при диктатуре пролетариата новых законов, кодексов и т. д. не означает создания «непосредственного и нового революционного права в смысле нового типа правовой формы, отныне опосредствующей материальные общественные отношения» [11. С. 77]. Характеризуя новую форму экономических отношений при нэпе как «государственный капитализм в его ленинском понимании» [11. С. 50], И. Разумовский отмечает, что только неизбежная для товарно-капиталистических отношений форма буржуазного права может служить формальным опосредованием советской экономики. Но в эту типовую форму пролетариат может и должен, по его мысли, вкладывать свое новое классовое содержание [11. С. 78].

Отрицательное отношение к праву было обусловлено тем, что идеологической основой новой власти был марксизм. Это учение утверждало, что социалистическая революция как способ перехода к новой общественно-экономической формации предполагает решительный слом буржуазной государственно-правовой надстройки [12. С. 172]. «Вы не можете сделать старые законы основой нового общественного развития, – заявил К. Маркс суду присяжных в Кельне, – точно так же, как и эти старые законы не могли создать старых общественных отношений. Из этих старых отношений они возникли, вместе с ними они должны и погибнуть» [13. С. 259]. Эти положения, по определению В. И. Ленина, составляют

«главное, основное в учении марксизма о государстве» [14. С. 28].

Третий этап деформации теоретического правосознания начинается с конца 20-х гг. прошлого столетия. Правовой нигилизм заметно снижается. Начинается заметный крен в сторону классового позитивизма, приспособления своей позиции к целям оправдания отношений, институтов и норм в условиях диктатуры пролетариата и строительства социализма. Так, в статье 1927 г. «Марксистская теория права» Е. Б. Пашуканис уже признает наличие нового послереволюционного и послебуржуазного «советского права» с «особой, специфической природой». В середине 30-х гг. им была выдвинута концепция так называемого «социалистического права», построения «бесклассового социалистического общества». Он стал говорить о необходимости развертывания «исследований социалистического государства, о роли социалистического советского права» [15. С. 4].

Все прежние интерпретации Е. Б. Пашуканисом положений Маркса и Ленина о буржуазном «равном праве» при социализме (на первой фазе коммунизма) со всей очевидностью исключали возможность признания «социалистического права». И поэтому он, критикуя ранее другие толкования советского права (как права пролетарского и т. д.), адресовал своим оппонентам довольно каверзный вопрос: «Почему вы не предлагаете назвать это право социалистическим?» [16. С. 41].

Теперь же он, отрешившись от своей прежней позиции, от концепции «буржуазности» всякого права и т. д. как «антимарксистской путаницы», начал толковать советское право как право социалистическое с самого начала его возникновения. «Великая социалистическая Октябрьская революция, – пояснял он, – нанесла удар капиталистической частной собственности и положила начало новой социалистической системе права. В этом основное и главное для понимания советского права, его социалистической сущности как права пролетарского государства» [15. С. 8].

Вместе с «социалистическим правом» Е. Б. Пашуканис уже признавал и ранее отвергавшиеся им представления о «системе советского права», о каких-то особых «социалистических правовых понятиях» и т. д. [15. С. 11]. Идеи признания и защиты «системы советского социалистического права», «социалистического правопорядка» и т. д. развивались и в последующих его публика-

циях (вплоть до его ареста и казни в 1937 г.) [17. С. 23, 28].

Вслед за Пашуканисом сходные представления о «социалистическом праве» были развиты и в статье его сторонника М. Доценко [18. С. 30] и рядом других ученых.

В этот период деформация теоретического правосознания приобретает элементы правового идеализма. В 1933 г. будущий Прокурор СССР А. Я. Вышинский уверенно заявлял о «роли Советского закона как громадной культурной силы, как громадного рычага государства пролетарской диктатуры».

Марксистско-ленинская идеология стала признавать существование советской социалистической системы права, считала его высшим историческим типом права, не имеющим аналогов в истории. Появились утверждения о том, что: «С первого дня Великой Октябрьской социалистической революции советский закон был облечен в новые революционные формы. Советское законодательство полностью порвало с законодательной техникой дореволюционной помещичье-буржуазной России. Только враги социализма могли клеветнически утверждать, что советский закон, даже если он имел свое новое содержание, сохранил якобы старую буржуазную форму» [19. С. 33]. Такой вывод существовал и в послевоенный период.

Элементы доктринального правового идеализма существовали и раньше. «Переходный строй от капитализма к социализму, переживаемый впервые на земном шаре после Октябрьской революции в России, – писал М. Ю. Козловский, – творит в процессе социалистической революции особое, невиданное нигде право, право не в подлинном его смысле (системы угнетения большинства меньшинством), а право пролетарское, которое все же право, в смысле средства подавления сопротивления меньшинства трудящимися классами» [20. С. 24].

Как правовой идеализм следует рассматривать взгляды учених о правовом государстве. Диктатуру пролетариата как «правовое государство» и советскую концепцию октроированных прав в середине 20-х гг. развивал А. Малицкий. В обоснование правового характера диктатуры пролетариата он в работе «Советская Конституция» приводил следующие соображения: «подчиненность всех органов государственной власти велению закона, т. е. праву, носит название «правового режима», а само государство,

проводящее правовой режим, называется «правовым государством», «советская республика есть государство правовое, осуществляющее свою деятельность в условиях правового режима» [21. С. 27, 28].

То классовое понимание права и государства, которого придерживался (вместе с другими представителями марксистско-ленинского учения о государстве и праве) А. Малицкий, фактически отрицало принципы права и правового государства, а тем более их совместимость с системой институтов и норм диктатуры пролетариата. Отсюда – внутренняя противоречивость и в целом несостоятельность (теоретическая и практическая) его интерпретации диктатуры пролетариата как государства правового [21. С. 28].

Ранее мысль о правовом государстве высказывал Д. И. Курский. «Государственный строй РСФСР, – писал он в 1922 г., – в более отчетливой, чем в ряде западноевропейских стран форме, несмотря на незаконченную еще полностью борьбу Советской власти с ее врагами, по существу становится правовым» [22. С. 70]. Эти взгляды не получили широкого распространения.

В 30-е гг. начались дискуссии о понимании советского права. Их задачей было идеализация советского права и государства, определения «генеральной линии» в советской юридической науке. Это было сделано на «Первом совещании по вопросам науки советского государства и права» (16–19 июля 1938 г.). Его организатором и дирижером был ставленник Сталина на «правовом фронте» А. Я. Вышинский. Совещанию был придан всесоюзный характер, и в его работе участвовало около 600 научных работников, преподавателей, практиков из различных регионов страны.

Цели и задачи совещания состояли в том, чтобы в духе потребностей репрессивной практики тоталитаризма утвердить единую общеобязательную «единственно верную» марксистско-ленинскую, сталинско-большевистскую линию в юридической науке, с этих позиций переоценить и отвергнуть все направления, подходы и концепции советских юристов предшествующего периода как «враждебные» и «антисоветские».

А. Я. Вышинским было дано и одобрено совещанием следующее определение: «Советское право есть совокупность правил поведения, установленных в законодательном порядке властью трудящихся, выражающих их волю и применение которых обеспечивается всей принудительной силой социали-

стического государства, в целях защиты, закрепления и развития отношений и порядков, выгодных и угодных трудящимся, полного и окончательного уничтожения капитализма и его пережитков в экономике, быту и сознании людей, построения коммунистического общества» [23. С. 37, 183].

В определении заложены ложные суждения: право устанавливается трудящимися, право выражает их волю, право закрепляет и защищает отношения, выгодные трудящимся. Если отбросить демагогические ухищрения доклада А. Вышинского, то суть его определения права состоит в том, что право – это приказы диктаторской власти. Акцент сделан именно на приказах правящей власти. Ссылки при этом на обусловленность права способом производства и т. д. оставались пустыми словами. Главное в подходе В. Я. Вышинского состоит в толковании права как принудительного инструмента, средства в руках власти для осуществления диктатуры путем соответствующего регулирования поведения людей. Характеризуя право как «регулятор общественных отношений», он поясняет: «Наше определение исходит из отношений господства и подчинения, выражающихся в праве» [23. С. 38].

Как «правила поведения», так и в целом право в качестве регулятора носят в подходе А. Я. Вышинского властно-приказной, принудительный характер. В связи с этим выводом Н. Н. Полянский предложил определить право как «совокупность приказов и запретов». Не возражая по существу против приказного смысла и содержания советского права, В. Я. Вышинский, однако, отклонил предложение Н. Н. Полянского по формально-терминологическим соображениям [23. С. 162].

Приказное «правопонимание», одобренное «с подачи» А. Я. Вышинского совещанием 1938 г., полностью и без всякого исключения господствовало в советской литературе вплоть до второй половины 50-х гг., когда после критики «культы личности Сталина» на XX съезде КПСС появилась некоторая возможность высказать какую-либо иную точку зрения по проблематике понятия и определения права.

Такой насильственный монополизм в науке означал лишение ее самостоятельного, объективно-исследовательского, познавательного, собственно научного статуса, превращение ее в служанку тоталитарной власти, в послушного и безоговорочного апологета антиправового законодательства и неправовой практики.

Итак, правосознание представителей советского правоведения, политиков было деформированным. Деформация имела различные формы. На начальном этапе преобладал правовой нигилизм, основанный на абсолютном отрицании права, на втором – интенсивность нигилизма снижается, советское право признается, но лишь как временное явление. На последующих этапах стали преобладать идеалистические взгляды, восхваляющие его как высший исторический тип права.

Список литературы

1. *Туманов В. А.* О правовом нигилизме // Советское государство и право. 1989. № 10. С. 37–48.
2. *Нерсисянц В. С.* Общая теория права и государства. М.: ИНФРА-М., 1999. 552 с.
3. *Стучка П. И.* Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига: Латгосиздат, 1964. 748 с.
4. *Гойхбарг А.* Основы частного имущественного права. М.: Красная Новь, 1924. 342 с.
5. *Гойхбарг А. Г.* Пролетарская революция и гражданское право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 12–19.
6. *Рейснер М. А.* Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.; М.: Госиздат, 1925. 344 с.
7. *Пашуканис Е. Б.* Избранные произведения по общей теории государства и права. М.: Наука, 1980. 272 с.
8. *Соловьев Э. Ю.* Правовой нигилизм и гуманитарный смысл права // Квинтэссенция: философский альманах. М.: Мысль, 1990. 174 с.
9. *Ильинский И.* Право и быт. М.; Л.: Госиздат, 1925. 256 с.
10. *Разумовский И.* Понятие права у Маркса и Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 18–31.
11. *Разумовский И.* Проблемы марксистской теории права. М., 1925. 213 с.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М.: Политиздат, 1968. Т. 33.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М.: Политиздат, 1968. Т. 6.
14. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1965. Т. 33.
15. *Пашуканис Е.* Государство и право при социализме // Советское государство. 1936. № 3. С. 3–14.
16. *Пашуканис Е.* Положение на теоретическом правовом фронте // Советское государство и революция права. 1930. № 11–12. С. 39–51.
17. *Пашуканис Е.* Сталинская Конституция и социалистическая законность // Советское государство. 1936. № 4. С. 13–29.
18. *Доценко М.* Советское социалистическое право // Советское государство. 1936. № 3. С. 17–34.
19. *Дембо Д. И.* Проблемы кодификации советского права // Вестн. ЛГУ. Серия: Экономика, философия и право. 1947. № 4. С. 31–42.
20. *Козловский М.* Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 18–29.
21. *Малицкий А.* Советская Конституция. Харьков, 1924 (2-е изд., 1925). 257 с.
22. *Курский Д. И.* Избранные статьи и речи. М., 1948. 342 с.
23. *Вышинский А. Я.* Основные задачи науки советского социалистического права. М., 1938. 287 с.

Материал поступил в редколлегию 15.03.2011

M. S. Kabanenko

THE DEFORMATION OF THE THEORETICAL (DOCTRINAL) LEGAL CONSCIOUSNESS: PERIOD OF ESTABLISHMENT OF THE SOVIET STATE

The article is devoted to the problem of the deformation of the theoretical legal consciousness during the establishment of the Soviet State. It is pointed out that the process of deformation has moved a long way, from legal nihilism, to the denial of law itself, to legal idealism. Absolute legal nihilism was characteristic of the period of the establishment of Soviet State, whereas law idealism was in the period of the building of socialism.

Keywords: legal consciousness, legal nihilism, legal idealism, deformation of legal consciousness.